



Генеральъ отъ Инфантеріи
ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ
ЛИПРАНДИ



I.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ЛИПРАНДИ.

Мнѣ было четыре года, когда скончалась моя матушка. Въ то время, въ 1843 году, мы жили въ Петербургѣ и отецъ мой командовалъ лейбъ-гвардіи Семеновскимъ полкомъ. Насъ было трое: двѣ мои сестры, старше меня, и я. У сестеръ, уже сравнительно взрослыхъ, была гувернантка, я же былъ исключительно на попеченіи матушки, а когда она скончалась, поступилъ въ полное вѣдѣніе отца: вплоть до поступленія на службу спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, мнѣ же онъ посвящалъ всѣ свои досуги; гувернеровъ у меня никогда не было и единственнымъ воспитателемъ моимъ былъ мой отецъ. О своей интересной жизни онъ никогда ничего не записывалъ, но въ постоянныхъ разсказахъ его мнѣ вылилась вся его жизнь; когда же я пришелъ въ болѣе сознательный возрастъ, все то, что, по моему мнѣнію, заслуживало особеннаго вниманія, я набрасывалъ на бумагу. И вотъ, это составляетъ матеріалъ, по которому я могу воспроизвести его біографическій очеркъ.

Предки Павла Петровича Липранди были испанцы, переселившіеся въ половинѣ XVII столѣтія въ Пиемонтъ. Отецъ Павла Петровича, Петръ Ивановичъ, имѣлъ въ городѣ Мондови собственныя фабрики, выдѣлывавшія, рѣдкія по качеству, шелковыя и шерстяныя ткани. Въ половинѣ царствованія Екатерины II,

Петръ Ивановичъ Липранди былъ приглашенъ въ Россію. По принятіи русскаго подданства, Петръ Ивановичъ былъ назначенъ директоромъ всѣхъ русскихъ казенныхъ фабрикъ. По полученіи, вскорѣ, ордена Владиміра 4-й ст., сдѣлался потомственнымъ русскимъ дворяниномъ. Въ 1800 году Петромъ Ивановичемъ была устроена Александровская мануфактура.

Отъ брака Петра Ивановича Липранди съ дѣвицею Варварою Яковлевной Бибиковой, 15-го января 1796 года родился въ Екатеринославѣ Павелъ Петровичъ. Наравнѣ со всѣми потомственными дворянами того времени, вскорѣ послѣ рожденія, Павелъ Петровичъ былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ, изъ котораго, по воцареніи Императора Павла I, былъ исключенъ. Позже, когда онъ жилъ съ отцомъ своимъ въ Петербургѣ, воспитывалъ и обучалъ Павла Петровича французъ-гувернеръ Мори, о которомъ онъ во всю жизнь сохранялъ самыя лучшія воспоминанія. Въ 1808 году Павелъ Петровичъ былъ опредѣленъ пенсіонеромъ въ Горный корпусъ, но послѣ смерти отца, въ 1810 году ¹⁾, долженъ былъ покинуть этотъ корпусъ, такъ какъ нечѣмъ было платить. Сжалившись надъ бѣднымъ сиротой, пріютилъ его въ своей семьѣ пріятель его отца, богатый негодіантъ Михаилъ Ивановичъ Кусовниковъ, въ домѣ котораго и продолжилъ свое воспитаніе Павелъ Петровичъ, со своимъ однолѣткою, сыномъ Кусовникова. Съ ужасомъ всегда вспоминалъ Павелъ Петровичъ свое пребываніе у Кусовникова; оно и понятно, — быть безъ гроша и на чужихъ хлѣбахъ изъ милости — дѣло не сладкое. То, что Петръ Ивановичъ оставилъ своихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ, Павелъ Петровичъ могъ себѣ объяснить только тѣмъ, что отецъ его, женившись во второй разъ, былъ подъ вліяніемъ второй своей жены и всѣ средства, которыми располагалъ, оставилъ второй своей семьѣ.

Въ 1812 году молодой Кусовниковъ поступилъ на военную службу; примѣру его послѣдовалъ и Павелъ Петровичъ и, не имѣя еще 17-ти лѣтъ, собравъ всѣ необходимые документы, при матеріальномъ содѣйствіи М. И. Кусовникова, онъ отправился въ дѣйствующую армію, для поступленія въ Ахтырскій гусарскій полкъ.

Въ концѣ сентября 1812 года Павелъ Петровичъ добрался до Тарутина и свалился, какъ снѣгъ на голову, къ старшему своему брату Ивану Петровичу ²⁾, въ то время исправлявшему должность

¹⁾ Мать Павла Петровича скончалась въ 1800 году. ²⁾ Впоследствии извѣстный писатель о войнѣ 1812 года.

оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса (генерала Дохтурова). Видъ недоразвившагося изнуреннаго юноши былъ столь плачевный, что допустить его въ такомъ состояніи въ лихіе гусары было бы совершенно безбожно, и генераль Дохтуровъ, не допустивъ Павла Петровича поступать на службу, оставилъ его при своемъ штабѣ въ качествѣ волонтера. Въ этой-то роли, въ свитѣ генерала Дохтурова, Павелъ Петровичъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Тарутинѣ, Малоарославцѣ и Красномъ, передавая разныя приказанія генерала.

Несмотря на весь комфортъ, который только былъ возможенъ въ зимнемъ походѣ, и который доставлялъ юному волонтеру очень полюбившій его корпусный командиръ, — неокрѣпшій организмъ не выдержалъ и, достигнувъ Щучина, Павелъ Петровичъ заболѣлъ сильнѣйшимъ тифомъ, которымъ отъ него заразился и его старшій братъ. Своею жизнію братья были обязаны умѣлому леченію и сердечному попеченію мѣстнаго врача Вернера. Еле оправившись отъ болѣзни, братья пустились догонять армію. Достигнувъ Пlocka, по приглашенію командира Псковскаго мушкетерскаго полка, Дмитрія Петровича Ляпунова, Павелъ Петровичъ поступилъ, наконецъ, на службу въ Псковскій полкъ подпоручикомъ.

Начиная отъ сраженія при Капбахѣ, за выдающуюся храбрость въ которомъ подпоручикъ Липранди произведенъ въ офицеры, и до Парижа включительно, въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ, Павелъ Петровичъ участвовалъ въ 17-ти бояхъ. Въ 1816 году Павелъ Петровичъ былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику 16-й пѣхотной дивизіи Федору Ивановичу Талызину, а въ 1818 г. уже штабсъ-капитаномъ переведенъ тѣмъ же чиномъ лейбъ-гвардіи въ Гренадерскій полкъ, оставаясь, по бывшимъ тогда правиламъ, адъютантомъ у начальника армейской дивизіи.

Въ 1822 году Павелъ Петровичъ перешелъ въ армію майоромъ и былъ назначенъ адъютантомъ къ корпусному командиру генералу Сабанѣеву, скоро ставшему со своимъ адъютантомъ, несмотря на разницу положеній, въ совершенно дружескія отношенія. Скоро Павелъ Петровичъ сталъ извѣстенъ начальнику штаба южной арміи графу Киселеву и новороссійскому генераль-губернатору графу Воронцову. Постоянное общеніе съ такими выдающимися дѣятелями значительно расширило кругозоръ Павла Петровича, который въ то же время обогащалъ свои знанія изученіемъ исторіи разныхъ войнъ, чему не мало способствовали осно-

вательное знаніе Павломъ Петровичемъ иностранныхъ языковъ и богато снабженная библіотека графа Воронцова.

Извѣстны гуманые, идущіе въ разрѣзъ съ преобладавшимъ въ ту пору режимомъ, взгляды этихъ трехъ сановниковъ на личность вообще и солдата въ особенности, ихъ постоянная забота облегчить давившій солдата гнетъ и обезпечить его хорошей пищей, которая въ то время у другихъ была случайной роскошью. Въ этомъ отношеніи они нашли въ Павлѣ Петровичѣ самаго горячаго сотрудника и особенно его цѣнили. Въ тѣ времена питаніе солдата было такъ слабо, рассказывалъ Павелъ Петровичъ, что когда настоятельно требовалось пустить кровь, то вмѣсто крови выходила какая-то бѣлая жидкость и солдатъ моментально впадалъ въ обморочное состояніе.

Въ 1828 году Павелъ Петровичъ назначенъ состоять для порученій при начальникѣ штаба дѣйствующей арміи графѣ Киселевѣ. При началіи военныхъ дѣйствій, Павелъ Петровичъ, рекомендованный графу Дибичу, какъ выдающійся штабъ-офицеръ, былъ посланъ главнокомандующимъ въ крѣпость Исакчу для врученія тамошнему пашѣ пакета къ силистрійскому сераскиру съ объявленіемъ войны; кромѣ того, подполковнику Липранди поручалась тайная рекогносцировка Исакчи и развѣдка, — не имѣютъ ли турки свѣдѣній о движеніи нашихъ войскъ. Порученіе было исполнено блестяще. Съ этого времени, въ кампаніи 1828 и 1829 гг., по личному приказанію главнокомандующаго, Павелъ Петровичъ исполнялъ цѣлый рядъ рекогносцировокъ и отдѣльных секретныхъ порученій, входящихъ въ кругъ обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба.

Въ началѣ 1831 года Павелъ Петровичъ перешелъ въ строй въ Орловскій полкъ, но чрезъ три мѣсяца уже получилъ въ командованіе Елецкій полкъ и участвовалъ съ нимъ въ дѣлѣ при Боремлѣ. Въ іюнѣ того же года Павелъ Петровичъ произведенъ въ полковники и утвержденъ командиромъ полка.

Во время штурма первой линіи укрѣпленій Варшавы 25-го августа, послѣ выхода изъ строя раненаго генерала Гейсмара, полковникъ Липранди вступилъ въ командованіе колонной, состоящей изъ четырехъ полковъ, посланной на выручку колонны генерала Сулимы, атакующей укрѣпленіе № 54. При штурмѣ полковникъ Липранди бросился во главѣ Елецкаго полка на укрѣпленіе, первый взомель на валъ со знаменемъ въ рукѣ и взялъ укрѣпленіе. 26-го августа, при дѣйствіи противъ укрѣпленій, прикрывающихъ

непосредственно Варшаву, случилось то же самое, что и наканунѣ: колонна полковника Липранди должна была дѣйствовать противъ укрѣпленія № 21, но въ началѣ атаки генераль Крейцъ, замѣтивъ, что укрѣпленіе № 21 непріятель покинулъ, направилъ колонну Липранди на поддержку колонны генерала Сулимы, атакующей укрѣпленіе № 22; здѣсь, точно такъ же, какъ при штурмѣ укрѣпленія № 54, Липранди, во главѣ Елецкаго полка, со знаменемъ полка, былъ однимъ изъ первыхъ на брустверѣ. По взятіи этого укрѣпленія обѣ колонны начали медленно подвигаться къ городскому валу, въ пространствѣ между Вольской и Іерусалимской заставами, то выбивая изъ разныхъ мѣстныхъ предметовъ засѣвшего противника, то отражая его яростныя контръ-атаки. Въ 10 часовъ ночи городской валъ до поворота его на сѣверъ былъ взятъ и дальнѣйшее наступленіе приостановлено, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня Варшава покорилась. За такіе подвиги, согласно постановленію георгіевской думы, полковникъ Липранди награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Окончивъ кампанію 1831 года въ преслѣдованіи противника и блокированіи разныхъ крѣпостей, Елецкій полкъ перешелъ къ мирной обстановкѣ и тутъ-то Павелъ Петровичъ приступилъ къ проявленію на дѣлѣ тѣхъ началъ по улучшенію солдатскаго быта, которыя онъ разрабатывалъ совмѣстно съ генераломъ Сабанѣвымъ. Въ первый же годъ командованія полкомъ Павелъ Петровичъ былъ пораженъ, что для всякаго вида довольствія солдата отпускается денегъ не мало, какъ все утверждали, а скорѣе болѣе, чѣмъ нужно; онъ тогда же съ цифрами въ рукахъ могъ доказать, что около 50-ти тысячъ въ годъ, не достигая солдата, гдѣ-то и у кого-то остаются. Чрезъ два года Елецкій полкъ по своему внѣшнему щегольскому виду, строевому образованію, хозяйственному благоустройству, отсутствію бѣжавшихъ и главное, по малому проценту больныхъ и умершихъ, составлявшему половину сравнительно съ другими полками, настолько выдѣлился, что Павелъ Петровичъ, за примѣрное состояніе полка, былъ назначенъ въ январѣ 1833 года флигель-адъютантомъ.

Въ 1816 г., еще въ бытность адъютантомъ при Федорѣ Ивановичѣ Талызинѣ, Павелъ Петровичъ началъ учить грамотѣ его пятилѣтнюю дочь Марію; уроки продолжались нѣсколько лѣтъ и Федоръ Ивановичъ постоянно шутилъ, говоря, что Павелъ Петровичъ такъ усердствуетъ потому, что подготавливаетъ себѣ невѣсту.

Такъ и случилось: въ 1833 году Павелъ Петровичъ женился на своей бывшей ученицѣ, Маріи Федоровнѣ Талызиной.

Въ 1835 году, опять за выдающееся состояніе Елецкаго полка, Павлу Петровичу изъ государственныхъ имуществъ Царства Польскаго было пожаловано маюратное имѣніе Радзеховице. Въ 1838 году Павелъ Петровичъ присутствовалъ въ Пруссіи на большихъ маневрахъ. Прусскій король пожаловалъ ему орденъ Краснаго орла, осыпанный брилліантами, причемъ, лично вручая орденъ, сказалъ Павлу Петровичу: «Vous avez gravé votre nom par les baïonnettes» ¹⁾).

Въ мартѣ 1839 года Павелъ Петровичъ произведенъ въ генераль-маіоры и назначенъ командиромъ Гренадерскаго, короля Фридриха-Вильгельма III, полка, входящаго въ составъ гвардейскаго корпуса, а въ 1842 году назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Въ апрѣлѣ 1843 года Павла Петровича постигло страшное несчастіе: скончалась его жена. Въ томъ же году Павелъ Петровичъ былъ назначенъ генераломъ свиты Его Величества, съ оставленіемъ командиромъ полка. Во время кончины жены Павлу Петровичу было 47 лѣтъ и лишь миновалъ трауръ, какъ началось сватовство съ той или другой дѣвушкой высшаго петербургскаго круга; не мало озабочивались этимъ дѣломъ и нѣкоторыя высокопоставленныя особы; главнымъ мотивомъ выставлялись оставшіяся сироты. Но Павелъ Петровичъ въ теченіе дальнѣйшей жизни свято оберегалъ воспоминаніе о своей горячо любимой женѣ и съ твердостью отвергалъ всѣ эти искательства, направленные къ выдающемуся жениху, любимцу Государя. Независимо не угасавшей любви къ столь рано умершей женѣ, Павелъ Петровичъ по себѣ хорошо зналъ, что значить для дѣтей мачиха.

Въ 1844 году, въ день полкового праздника, Павелъ Петровичъ былъ награжденъ орденомъ Станислава 1-й степени за примѣрную службу, отличное состояніе полка и особенную заботливость по устройству и улучшенію солдатскаго быта. Орденъ этотъ лично возложилъ на Павла Петровича Наслѣдникъ Цесаревичъ при сборѣ цѣлаго полка. Вскорѣ послѣ такого чествованія, Павлу Петровичу было суждено испытать неожиданный ударъ. Въ декабрѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ произвелъ Семеновскому полку подробный инспекторскій смотръ; при повѣркѣ книгъ и денегъ,

всѣ деньги въ ящикѣ оказались налицо. Вдругъ, въ 6 часовъ вечера, того же дня, приходитъ къ Павлу Петровичу полковой казначей штабсъ-капитанъ N и объявляетъ, что въ ящикѣ недостаетъ 30,000 руб. сер.; на вопросъ Павла Петровича, гдѣ же онѣ, казначей отвѣтилъ: «Вы ихъ взяли», а на вопросъ Павла Петровича, «какъ же могли вы мнѣ ихъ выдать», N отвѣтилъ: «Я ихъ вамъ далъ на честное слово». «Хорошо», сказалъ Павелъ Петровичъ, «деньги будутъ мною пополнены, но вы завтра же подавайте въ отставку». Затѣмъ Павелъ Петровичъ вошелъ къ намъ въ дѣтскую и сказалъ: «дѣти, вы мною раззорены», заплакалъ и вышелъ. Немедленно были запряжены сани и Павелъ Петровичъ отправился по всѣмъ знакомымъ, занимая у каждаго, что можно было занять; въ 12 часовъ ночи онъ вернулся и привезъ 30,000 руб. сереб. На другой день N подалъ въ отставку и въ должность вступилъ вновь выбранный казначей штабсъ-капитанъ Клауди. Когда въ присутствіи Павла Петровича, новаго казначея и дежурнаго по полку стали провѣрять деньги, то оказалось, что пачки были только обернуты сто-рублевыми билетами, а внутри была нарѣзанная чайная бумага. По повѣркѣ не доставало 30,000 р. Павелъ Петровичъ немедленно ихъ пополнилъ привезенными накупя деньгами и взялъ слово съ Клауди и Чихачева (дежурнаго по полку), что происшествіе это не будетъ оглашено. Прошло двѣ недѣли и штабсъ-капитанъ N былъ уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, съ производствомъ въ капитаны.

Дней чрезъ пять послѣ отставки казначея, совершенно неожиданно пріѣхалъ къ Павлу Петровичу Великій Князь Михаилъ Павловичъ; войдя въ кабинетъ, плотно затворилъ дверь и приказалъ Павлу Петровичу рассказать, какъ было дѣло съ N. Павелъ Петровичъ отвѣтилъ, что N вышелъ въ отставку для раздѣла имѣнія и больше никакого дѣла не было. Тогда Великій Князь приказалъ Павлу Петровичу рассказать ему всю правду, не какъ Великому Князю и начальнику, а какъ Михаилу Павловичу и что это останется между ними. Павелъ Петровичъ рассказалъ какъ было дѣло и что онъ поступилъ такъ, чтобы не запятнать славнаго Семеновскаго полка и не компрометировать Наслѣдника Цесаревича, который при повѣркѣ считалъ только пачки, но ихъ не разворачивалъ. Не прошло и двухъ дней послѣ этой бесѣды, Павелъ Петровичъ былъ потребованъ къ Государю; входя въ его кабинетъ, Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что дверь въ противоположной сторонѣ открыта. Государь тоже потребовалъ,

¹⁾ Вы ваше имя начертали штыками.

чтобы Павелъ Петровичъ разсказалъ все дѣло съ N; когда же Павелъ Петровичъ опять сказалъ, что никакого дѣла не было, Государь вызвалъ изъ другой комнаты (въ которую дверь была открыта) Великаго Князя Михаила Павловича и сказалъ: «кто же изъ васъ говорить правду?» Припертый, такъ сказать, къ стѣнѣ, Павелъ Петровичъ подробно разсказалъ всю исторію. Внимательно выслушавъ его исповѣдь, Государь обнялъ Павла Петровича и сказалъ: «я поступилъ бы точно такъ же». На другой день фельдъегерь привезъ отъ Государя Павлу Петровичу толстый пакетъ, въ пакетѣ было 30,000 и записка: «никому не говори». Вскорѣ N былъ разысканъ и вмѣсто суда, по повелѣнію Государя, былъ заточенъ въ Петропавловскую крѣпость; повелѣвалось содержать его до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ, куда дѣвалъ похищенные деньги. Чрезъ три года N заявилъ, что 30,000 онъ, въ теченіе 1844 года, проигралъ въ карты, но кому, отказался сообщить; продержали еще годъ и выпустили на свободу.

Въ 40-хъ годахъ не было ни положенія о ротномъ хозяйствѣ, ни правилъ о порядкѣ увольненія нижнихъ чиновъ на вольныя работы; увольненіе нижнихъ чиновъ на, такъ называемые, заработки, предоставлено было исключительно усмотрѣнію начальниковъ частей. Люди увольнялись на заработки совершенно произвольно въ теченіе всего года для увеличенія средствъ части; за ихъ разнообразный трудъ имъ ничего не выдавалось на руки, не имѣли они во время заработковъ и настоящаго нравственнаго отдыха, потому что, по возвращеніи съ заработковъ, ихъ ожидали ужасы строевой выправки. Начальство послѣ вольныхъ работъ усиленно принималось наверстывать строевые недочеты и отъ приѣмовъ, по тогдашней выправкѣ, можно сказать, чисто хирургическихъ, многіе совершенно надрывались. Во все время командованія Павломъ Петровичемъ Семеновскимъ полкомъ ни разу ни одинъ человекъ не былъ посланъ на заработки. Въ то же время Павломъ Петровичемъ была выработана инструкция ротному командиру по довольствію роты, которую, по примѣру Семеновскаго полка, Высочайше повелѣно принять къ непремѣнному руководству во всѣхъ войскахъ гвардіи. Что полки гвардіи, по размѣрамъ всѣхъ видовъ отпусковъ довольствія, имѣли значительный избытокъ и не нуждались въ искусственномъ увеличеніи доходовъ посредствомъ заработковъ, лучшимъ доказательствомъ служить то, что Павелъ Петровичъ видя, что полкъ пьетъ воду изъ Крюкова канала, постоянно загрязненную, восполь-

зовался пребываніемъ въ Петербургѣ французскаго инженера-гидравлика Дронсара, устроить на средства полка на берегу канала водоподъемную башню для очистки въ ней воды посредствомъ фильтраціи. Независимо этого, Павломъ Петровичемъ, также на средства полка, былъ учрежденъ пріютъ для дочерей солдатъ Семеновскаго полка, которымъ всегда любовались Государь и Императрица и который подготовилъ къ дальнѣйшей честной и трудовой жизни сотни дѣвушекъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣятельность Павла Петровича въ разныхъ направленіяхъ не могла не возбудить вражды всѣхъ тѣхъ, самолюбіе и карманъ которыхъ сильно затронувала, а ихъ въ то время было много; беззастѣнчивость нѣкоторыхъ доходила до того, что они прямо ему говорили: «эхъ, Павелъ Петровичъ! ну, чего хорошаго въ вашихъ дѣлахъ; и себя не обогатите, и враговъ наживете». И дѣйствительно, оппозиція была такъ сильна, что, несмотря на то, что Павелъ Петровичъ имѣлъ всѣ шансы продолжать службу въ гвардіи, ему устроили золотой мостъ на дорогѣ изъ гвардіи. Въ 1848 году онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса, съ сохраненіемъ въ спискахъ Семеновскаго полка и съ зачисленіемъ по гвардейской пѣхотѣ и генеральному штабу.

Подводя итоги 17-ти-лѣтняго командованія разными полками, главное, что достойно вниманія, это то, что во весь этотъ долгій періодъ онъ не арестовалъ ни одного офицера и не подвергъ тѣлесному наказанію ни одного нижняго чина; солдаты, видя постоянную о нихъ сердечную заботу, дѣлали постоянно, что называется, изъ кожи, офицеры же были подъ обаяніемъ его нравственнаго вліянія и временное холодное обращеніе Павла Петровича съ тѣмъ или другимъ почиталось ими хуже всякаго ареста. Несмотря на такой исключительный по тѣмъ временамъ способъ командованія, полки подъ командою Павла Петровича признавались всѣми выдающимися. Сказанное можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ, что повсемѣстно царившіе въ то время чрезмѣрно суровые способы командованія были какимъ-то необъяснимымъ предразсудкомъ.

Штабъ гренадерскаго корпуса былъ въ 1848 году расположенъ въ Новгородѣ и командиромъ гренадерскаго корпуса былъ генераль-адъютантъ Набоковъ. Взгляды командира корпуса на солдата и на службу вообще были совершенно сходны со взглядами Павла Петровича и потому бытность его начальникомъ штаба при

Набоковъ была счастливѣйшимъ для него временемъ. Съ назначеніемъ же вмѣсто Набокова командиромъ корпуса Н. Н. Муравьева, положеніе измѣнилось и потому Павелъ Петровичъ былъ счастливъ, когда въ 1849 году фельдмаршалъ князь Паскевичъ предложилъ ему свое ходатайство о назначеніи его начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи, что и исполнилось 29-го сентября.

По возвращеніи изъ Венгерской кампаніи, 12-я пѣхотная дивизія была расположена въ Волынской губерніи. Начиная съ 1850 года весь 4-й пѣхотный корпусъ для лагернаго сбора сосредоточивался у г. Луцка; лагерный сборъ этотъ оканчивался обыкновенно Высочайшимъ смотромъ. Въ 1851 году 12-я пѣхотная дивизія была двинута въ Царство Польское, въ г. Люблинъ, для лагернаго же сбора всего 4-го пѣхотнаго корпуса, по прежнему, ходила къ г. Луцку. Въ Люблинѣ въ то время губернаторомъ былъ генералъ Албертовъ, а военнымъ начальникомъ (тогда такіе были) генералъ Гостомилловъ; оба эти генерала были подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстнаго общества, состоявшаго исключительно изъ поляковъ. По прибытіи въ Люблинъ, Павлу Петровичу была отведена квартира въ домѣ, въ которомъ рядомъ съ квартирою былъ сомнительный трактиръ, а подъ квартирою питейный домъ. Понятно, если для начальника дивизіи была отведена такая квартира, то какія же квартиры были даны прочимъ чинамъ дивизіи; жалобы на совершенную невозможность жить въ отведенныхъ квартирахъ поступали къ Павлу Петровичу чуть не повально. Несмотря на настойчивыя обращенія Павла Петровича и къ губернатору, и военному начальнику (естественному защитнику всѣхъ военныхъ интересовъ), всѣ обращенія оставались безъ результатовъ; доходило дѣло и до фельдмаршала, но и у него не нашло поддержки. Между тѣмъ Люблинъ считался въ Польшѣ послѣ Варшавы лучшимъ городомъ и изобиловалъ превосходными домами. Въ 1851 году 12-я пѣхотная дивизія опять стала лагеремъ подъ Луцкомъ. Послѣ Высочайшаго смотра, на Царскомъ обѣдѣ, Государь обратился къ Павлу Петровичу съ вопросомъ: «ну что твои поляки?», Павелъ Петровичъ отвѣтилъ Государю: «поляки-то ничего, но въ Люблинѣ русскіе хуже поляковъ». Государь на это ничего не сказалъ. Но послѣ обѣда приказалъ графу Орлову спросить у Павла Петровича, что это было за непонятный отвѣтъ. Тогда Павелъ Петровичъ разсказалъ графу Орлову, какъ была принята и размѣщена въ Люблинѣ 12-я пѣхотная дивизія. На другой же день послѣдовало повелѣніе Государя фельдмаршалу: немедленно

удалить губернатора Албертова, военному начальнику объявить Высочайшій выговоръ за непринятіе должныхъ мѣръ, а всѣхъ чиновъ дивизіи размѣстить въ лучшихъ домахъ Люблина. Этотъ незначительный эпизодъ имѣлъ, можно сказать, историческія послѣдствія. Въ 1852 году генералъ-адъютантъ Остенъ-Сакенъ оставилъ командованіе 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и, до назначенія другого корпуснаго командира, командуящимъ корпусомъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ былъ Павелъ Петровичъ. Зимой, въ разговорѣ съ фельдмаршаломъ, Государь рекомендовалъ ему въ командиры 4-го корпуса—Павла Петровича, но фельдмаршалъ не забылъ Люблинской исторіи и доложилъ Государю, что для командованія корпусомъ генералъ Липранди еще слишкомъ молодъ; вскорѣ Павелъ Петровичъ былъ возвращенъ для командованія 12-й пѣхотной дивизіей, а командиромъ корпуса былъ назначенъ генералъ Данненбергъ, впоследствии сочинитель и исполнитель инкерманскаго сраженія, имѣвшаго столь роковыя послѣдствія.

Лѣтомъ 1853 года, 12-я пѣхотная дивизія, составляя правую колонну дѣйствующихъ войскъ, подъ начальствомъ Павла Петровича, перешла рѣку Прутъ у мѣстечка Скуляны, вступила въ Молдавію и далѣе прослѣдовала въ Валахію. До конца 1853 года полки 12-й пѣхотной дивизіи входили въ составъ разныхъ отрядовъ и Павелъ Петровичъ бездѣйствовалъ. 17-го января 1854 года, генералъ Липранди назначенъ начальникомъ Мало-Валахскаго отряда, состоявшаго изъ 24^{1/2} баталіоновъ, 24-хъ эскадроновъ, 9-ти сотенъ при 88-ми орудіяхъ и имѣвшаго назначеніемъ прикрывать правый флангъ арміи и охранять Малую Валахію отъ вторженія турокъ. Тотчасъ же по его вступленіи въ начальствованіе этимъ отрядомъ, отрядъ перешелъ отъ строгаго оборонительнаго положенія къ активнымъ дѣйствіямъ; былъ сдѣланъ рядъ усиленныхъ рекогносцировокъ; наконецъ, наступленіемъ всего отряда и занятіемъ съ боя с. Чепурчени, положенъ былъ конецъ всѣмъ поискамъ турокъ изъ Балафата. За такія дѣйствія Павелъ Петровичъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла 1-й степени съ мечами. При обратномъ движеніи въ предѣлы имперіи, Павелъ Петровичъ прикрывалъ правый флангъ арміи и наблюдалъ за движеніемъ австрійцевъ. 20-го августа 1854 года 12-я пѣхотная дивизія перешла рѣку Прутъ у мѣстечка Леово и расположилась по квартирамъ въ Бессарабіи.

Но отдыхъ былъ непродолжительный. 10 сентября 12-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріей была двинута форсированнымъ маршемъ въ Крымъ. Сознвая всю важность своевременной вы-

ручки, Павелъ Петровичъ воспользовался значительнымъ числомъ подводъ, безвозмездно предложенныхъ колонистами, и сократилъ маршъ на два дня противъ даннаго маршрута. Первоначальное назначеніе Павла Петровича было: присоединивъ къ дивизіи всѣ части, слѣдовавшія въ томъ же направленіи, вступить въ командованіе всѣмъ этимъ отрядомъ, выбить изъ Перекопа противника и открыть сообщеніе Крыма съ остальной Россіей. Начальникомъ штаба этого отряда былъ назначенъ флигель-адъютантъ князь В. И. Васильчиковъ. Достигнувъ Перекопа, оказалось, что онъ непріятелемъ не занятъ, а потому Павелъ Петровичъ отправилъ князя Васильчикова къ князю Меншикову за дальнѣйшими приказаніями, а самъ продолжалъ форсированный маршъ къ Севастополю.

Князь Васильчиковъ засталъ князя Меншикова въ палаткѣ на Бельбекѣ; по врученіи ему донесенія Павла Петровича, князь Меншиковъ спросилъ: «что такое Липранди?» и получивъ въ отвѣтъ отъ князя Меншикова, такъ сказать, историческую справку о Липранди, князь Меншиковъ, не давъ докончить, сказалъ: «Да, интриганъ-фанаріотъ, я его помню въ то время, когда онъ командовалъ Семеновскимъ полкомъ», а затѣмъ добавилъ: «пусть двигается къ Бельбеку». При свиданіи съ Павломъ Петровичемъ, князь Васильчиковъ счелъ нужнымъ сообщить ему свой разговоръ съ княземъ Меншиковымъ, а потому понятно, въ какомъ состояніи духа, прибывъ съ отрядомъ 7 октября на Бельбекъ, Павелъ Петровичъ отправился являться къ князю Меншикову. Но въ этотъ промежутокъ времени князь Меншиковъ получилъ отъ Государя письмо и потому принялъ Павла Петровича весьма любезно, начавъ съ того, что показалъ ему письмо Государя, въ которомъ, между прочимъ, значилось: «Генералу Липранди можно поручить отдѣльный отрядъ и на него можно смѣло положиться какъ на опытнаго генерала; Я увѣренъ, что онъ оправдаетъ Мое къ нему довѣріе». Тутъ же князь приказалъ Павлу Петровичу 8-е и 9-е употребить на личную рекогносцировку всего непріятельскаго расположенія и 9-го, вечеромъ, доложить ему ея результаты.

Сопутствующій только дивизионнымъ квартирмейстеромъ генеральнаго штаба капитаномъ Феоктистовымъ и двумя казаками, Павелъ Петровичъ, начиная отъ Байдарской долины и до городского Севастопольскаго кладбища, осмотрѣлъ все расположеніе союзниковъ, приближаясь къ непріятельскимъ сторожевымъ постамъ и часто спѣшиваясь настолько близко, насколько только было возможно. 9-го, вечеромъ, доложилъ князю Меншикову,

что, по его мнѣнію, самое уязвимое мѣсто противника Балаклава (база англичанъ). Слабо сравнительно занятъ и укрѣпленъ весь правый флангъ всего растянутого расположенія союзниковъ; а потому, дождавшись прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій и 30 эскадроновъ драгунъ, можно легко занять Балаклаву и далѣе дѣйствовать съ юго-востока на сѣверо-западъ правымъ флангомъ отъ Телеграфной горы, а лѣвымъ отъ дер. Кадькіой, имѣя въ срединѣ фронта дѣйствій Воронцовскую дорогу; при такомъ направленіи можно также развить дѣйствія и нашей многочисленной конницы. Успѣшныя дѣйствія на Сапунь-гору съ южнаго ея склона поставили бы союзниковъ въ совершенно безвыходное положеніе. Князь Меншиковъ вполне согласился съ этими соображеніями и сказалъ «будемъ ожидать». Но вечеромъ, 10 октября, Павелъ Петровичъ опять былъ потребованъ къ князю Меншикову и тотъ приказалъ ночью же передвинуть 12-ю пѣхотную дивизию въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы, усиливъ ее еще нѣкоторыми частями, произвести сильную вылазку изъ Севастополя. Павелъ Петровичъ, насколько могъ, возражалъ противъ такого предпріятія и наконецъ поколебалъ князя. «Ну, такъ дѣйствуйте на Балаклаву», сказалъ князь Меншиковъ. Тутъ, какъ ни доказывалъ Павелъ Петровичъ, что мы съ недостаточными силами не можемъ достигнуть ничего серьезнаго, а только противнику откроемъ глаза на его уязвимыя мѣста, князь Меншиковъ остался непоколебимъ и приказалъ безотлагательно сдѣлать поискъ на Балаклаву.

11 октября 12-я пѣхотная дивизія и приданныя ей части сосредоточились у Чоргуна и рано утромъ, 13-го, произвели наступленіе на укрѣпленную позицію, прикрывавшую Балаклаву.

По точно составленной диспозиціи и подробному разъясненію всѣмъ начальникамъ, что каждому предстояло дѣлать, причемъ предлагалось дѣйствовать ротными колоннами—балаклавское дѣло разыгралось съ точностью, какъ на маневрахъ. Результатомъ боя было взятіе четырехъ редутовъ съ 11-ю орудіями, лагеря, много пороха и шанцеваго инструмента; уничтожена также почти вся англійская кавалерія. Въ этомъ дѣлѣ Павелъ Петровичъ былъ раненъ въ ногу осколкомъ гранаты, но изъ строя не вышелъ.

Хотя этотъ первый успѣхъ нашего оружія и произвелъ выгодное впечатлѣніе на гарнизонъ Севастополя, истощенный непрерывными работами и безостановочнымъ бомбардированіемъ бастіоновъ, и огонь противника тотчасъ же послѣ нашей побѣды

значительно ослабъ, но то, что предвидѣлъ Павелъ Петровичъ, немедленно сбылось; въ первую же ночь подползавшіе къ непріятельскому расположенію развѣдчики донесли, что у непріятеля громадное число рабочихъ занято укрѣпленіемъ подступовъ къ Балаклавѣ и скатовъ Сапунь-горы, обращенныхъ къ Черной рѣчкѣ.

Первые эшелоны прибывшихъ 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій были направлены къ Чоргуну, у котораго къ 22 октября сосредоточился весь 4-й пѣхотный корпусъ съ генераломъ Данненбергомъ во главѣ; къ Чоргуну же была перенесена и главная квартира Меншикова. 22 октября, когда были приглашены на совѣщаніе всѣ генералы и до прихода князя вели частный разговоръ, Павелъ Петровичъ сообщилъ генералу Данненбергу свои соображенія о предстоящемъ дѣлѣ. Данненбергъ, молча выслушавъ Павла Петровича, улыбнулся и, потирая руки, сказалъ: «выдуманъ что-нибудь похитрѣ». Пришелъ князь Меншиковъ, и Данненбергу первому предложено было изложить свой планъ дѣйствій; докладывали свои соображенія и другіе генералы, но плану Данненберга князь Меншиковъ далъ предпочтеніе; послѣ совѣщанія князь немедленно возвратилъ свою главную квартиру на Инкерманъ; войска приказано развести на биваки къ тѣмъ мѣстамъ, откуда они должны были произвести наступательныя дѣйствія, и вотъ, 24-го октября, разыгралось, печальной памяти, Инкерманское сраженіе.

Во время Инкерманскаго сраженія Павелъ Петровичъ съ 12-й пѣхотной дивизіей, находился на взятой имъ позиціи въ составѣ отряда, которымъ командовалъ генералъ князь Горчаковъ 1-й. По диспозиціи отряду этому было назначено: содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ входовъ на Сапунь-гору.

Впослѣдствіи много говорилось о недостаточно настойчивыхъ дѣйствіяхъ Павла Петровича, чрезъ что, генералъ Боске имѣлъ возможность выручить англичанъ; но всѣ эти разговоры не выдерживали критики. Начать съ того, что генералъ Липранди, находясь въ подчиненіи у начальника отряда князя Горчакова, могъ дѣлать только то, что ему приказывали, а главное, что противъ 12-й пѣхотной дивизіи была непреступная позиція, усиленная рядомъ укрѣпленій, вооруженныхъ морскими орудіями; къ тому же, на позицію эту вела извилистая дорога на всемъ своемъ протяженіи, могущая быть обстрѣливаемой картечью; положительно можно сказать, что даже если бы вся дивизія была положена, она

все-таки не задержала бы Боске, который, кстати сказать, прибылъ на выручку англичанъ лишь тогда, когда Инкерманское сраженіе было уже безповоротно проиграно. Честь и слава князю Горчакову, что онъ сберегъ цѣлую дивизію и не уничтожилъ ее въ невозможныхъ дѣйствіяхъ.

Не будь «Люблинской исторіи», не командовалъ бы 4-мъ корпусомъ Данненбергъ, не было бы Инкерманскаго сраженія.

25 октября князь Горчаковъ показалъ Павлу Петровичу письмо, только что полученное отъ князя Меншикова; въ этомъ письмѣ главнокомандующій предлагалъ князю Горчакову, а буде онъ не согласится, предложить генералу Липранди произвести новое наступленіе со стороны Чоргуна въ томъ направленіи, которое прежде указывалъ Липранди, для чего Чоргунскій отрядъ предполагалось усилить 30-ю баталіонами. Князь Горчаковъ отъ такого предложенія отказался, не принявъ его и Павелъ Петровичъ. Время теперь было не то, лучшія войска совершенно разстроены, непріятель же, послѣ 13 октября, воздвигъ на подступахъ къ Балаклавѣ и Сапунь-горѣ нѣсколько рядовъ грозныхъ укрѣпленій. «Поплють» — сказалъ Павелъ Петровичъ, «я, какъ солдатъ, пойду, но добровольно соглашаться на такое предпріятіе было бы чистое безуміе».

Отъ Инкерманскаго сраженія до сраженія на Черной рѣчкѣ 4-го августа 1855 г. Павелъ Петровичъ былъ обреченъ на полное бездѣйствіе. Сначала онъ, съ 12-й пѣхотной дивизіей, занималъ совершенно изолированно прежнее расположеніе у Чоргуна, а затѣмъ 12-я пѣхотная дивизія были передвинута на Инкерманскія высоты, для охраненія вновь выстроенныхъ укрѣпленій, подъ названіемъ Литерныхъ батарей, вооруженныхъ морскими орудіями, противъ Сапунь-горы. Съ этой позиціи въ трудныя минуты Севастополя, то тотъ, то другой полкъ ходили на усиленіе гарнизона. 8 іюня 1855 г. Павелъ Петровичъ получилъ въ командованіе, вмѣсто князя Горчакова, 6-й пѣхотный корпусъ, бѣльшая часть котораго занимала Мекензиевы высоты.

Съ половины іюля положеніе Севастополя стало ужасно. Ежедневно нараставшія батареи союзниковъ все уже и уже стягивали многострадальный городъ смертоноснымъ кольцомъ; храбрая прислуга при нашихъ орудіяхъ, состоявшая изъ матросовъ, была почти вся перебита, верки бастіоновъ, въ особенности на Корабельной сторонѣ, ежедневно разрушались и со сверхчеловѣческими усиліями, съ трудомъ ихъ закладывали мѣшками; не было души

всей обороны—П. С. Нахимовъ; Тотлебенъ лежалъ раненый и не проходило дня, чтобы убыль гарнизона была менѣе тысячи. При такомъ-то положеніи Севастополя народилась мысль сильной полевой диверсіей облегчить его участь; въ этихъ видахъ были двинуты въ Крымъ 4-я и 5-я пѣхотныя и 7-я резервная дивизіи.

28 іюля главнокомандующимъ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали и генераль-адъютантъ баронъ Вревскій, прибывшій наканунѣ съ какими-то важными бумагами. На совѣтъ: Остенъ-Сакенъ, Хрулевъ, приславшій по болѣзни свое мнѣніе Тотлебенъ и Липранди высказывались противъ всякаго наступленія, не обѣщавшаго даже никакихъ шансовъ на успѣхъ; самъ главнокомандующій высказывалъ прежде тотъ же взглядъ, но 28 іюля поддался мнѣнію барона Вревскаго и рѣшилъ произвести наступленіе. На томъ же совѣтъ былъ слѣдующій эпизодъ: въ то время, когда Павелъ Петровичъ докладывалъ свои соображенія противъ всякаго наступленія, баронъ Вревскій прервалъ докладъ Павла Петровича и съ улыбкой презрѣнія сказалъ: «нельзя же вездѣ и всюду ходить только церемоніальнымъ маршемъ». Слова эти взорвали Павла Петровича, онъ подошелъ почти въ упоръ къ барону и возвышеннымъ голосомъ сказалъ: «Милостивый государь, когда вы ходили еще безъ...., я уже бралъ редуты и орудія». Вревскій поблѣднѣлъ, поражены были и всѣ остальные, а Павелъ Петровичъ оборвалъ свой докладъ, сказавъ, что всякое наступленіе при существующей обстановкѣ онъ считаетъ преступленіемъ. Ожидаемыя подкрѣпленія, наконецъ, прибыли и общее наступленіе было рѣшено произвести 4 августа.

Съ наступленіемъ темноты, 3-го августа, правая колонна подъ начальствомъ генерала Реада спустилась съ Мекензиевыхъ высотъ къ новому редуту и расположилась правѣе большой дороги; вслѣдъ за ней спустилась лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала Липранди и расположилась лѣвѣе большой дороги, выдѣливъ сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Бельгарда по направленію къ Чоргуну; послѣдній отрядъ долженъ былъ остановиться на ночь на Мокрой луговинѣ. Предметомъ дѣйствій правой колонны должны были быть Федюхины высоты, а лѣвой — сначала Телеграфная гора, а затѣмъ Гасфортова. Общее начало дѣйствій 4-го августа должно было быть произведено по выстрѣлу изъ новаго редута. Въ диспозиціи, присланной генералу Липранди непосредственно, была приписка: «по овладѣніи Телеграфной горой, остановиться, послать донесеніе главнокомандующему на новый ре-

дуть и ожидать его прибытія». Едва стало разсвѣтать, послѣдовать выстрѣлъ съ новаго редута, обѣ колонны начали наступленіе, а выхавшія батареи открыли огонь. Несмотря на то, что въ диспозиціи точно указывалось, когда начать дѣйствія, главнокомандующій, послѣ выстрѣла изъ орудія, который самъ же онъ приказалъ произвести, послалъ приказаніе Реаду и Липранди начать дѣйствія, къ первому—своего личнаго адъютанта капитана Красовскаго, а ко второму—генеральнаго штаба капитана Мейендорфа. Тутъ является весьма поучительный примѣръ передачи приказаній. Когда посланные отправились, дѣйствія еще не начинались, т. е. артиллерія не открывала огня, а когда подъѣхали, огонь былъ уже открытъ, т. е. дѣйствія начались. Красовскій передалъ приказаніе Реаду, не сказавъ, что, когда онъ былъ отправленъ, въ колоннѣ Реада огонь еще не былъ открытъ и, какъ извѣстно, смутилъ Реада, начавшаго преждевременную атаку; Мейендорфъ же видя, что Липранди уже началъ дѣйствія, ничего ему не сказалъ, а вернулся и доложилъ главнокомандующему, что Липранди уже перешелъ въ наступленіе.

Дѣйствіями войскъ генерала Липранди укрѣпленная Телеграфная гора была взята моментально, а на Гасфортовой горѣ, отстоящей отъ Телеграфной въ 700 саженьяхъ, отъ внезапности наступленія была видна суета и безтолковое метаніе; продолжая наступленіе, мы могли бы взять ее однимъ взмахомъ. Но по сдѣланной въ диспозиціи припискѣ, взявъ Телеграфную гору, нужно было остановиться и, пославъ донесеніе, ожидать прибытія главнокомандующаго. Отъ Телеграфной горы до новаго редута 2½ версты. Донесеніе было послано моментально, но пока князь пріѣхалъ, прошло полчаса. Въ это время, непріятельскія войска на Гасфортовой горѣ пришли въ порядокъ, подтянули грозные резервы, выставили сильныя полевые батареи и ожидали врага въ полной готовности; выбить ихъ можно было лишь послѣ упорной борьбы. Въ эти полчаса, войска Реада были уже два раза отбиты и самъ онъ убитъ, а потому главнокомандующій, вмѣсто атаки Гасфортовой горы, приказалъ Липранди двинуть войска для прикрытія отступленія войскъ Реада. Не будь роковой приписки объ остановкѣ по взятіи Телеграфной горы, Гасфортова гора, несомнѣнно, была бы взята и поставленныя на ней батареи били бы во флангъ войска, боровшіяся съ Реадомъ.

Во время столь неудачнаго боя Павелъ Петровичъ подъѣхалъ къ барону Вревскому и сказалъ: «вотъ онъ церемоніальный маршъ»; баронъ, взявши за голову, патетически воскликнулъ: «с'est un
Т. ССLVI.—Отд. I.

malheur, c'est un malheur!» Вскорѣ за тѣмъ, сочинитель этого несчастнаго сраженія былъ убитъ.

Послѣ сраженія на Черной рѣчкѣ, 4-го августа, названнаго въ реляціи усиленной рекогносцировкой, войска 6-го пѣхотнаго корпуса возвратились на свои позиціи на Мекензиевыхъ высотахъ.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ на высокому холмѣ южнаго склона Мекензиевыхъ высотъ былъ учрежденъ обсервационный пунктъ; полънавѣсомъ былъ поставленъ большой морской астрономическій телескопъ на вращательномъ штативѣ, при которомъ было постоянное дежурство изъ матросовъ-сигнальщиковъ; положеніе этого пункта весьма удобное, съ него можно было видѣть все, что дѣлается у осаждающаго, какъ въ ближнихъ, такъ и въ дальнихъ траншеяхъ и даже на бивакахъ. Такъ какъ телескопъ этотъ находился въ полуверстѣ отъ бивака корпуснаго штаба, то Павелъ Петровичъ, вставая въ 6 часовъ утра, первымъ дѣломъ отправлялся на обсервационный пунктъ и внимательно разсматривалъ, что дѣлается у союзниковъ, и если замѣчалось что-нибудь особенное, немедленно посылалъ донесеніе въ главную квартиру. Такъ было и 27-го августа; въ 6 часовъ утра Павелъ Петровичъ пошелъ на холмъ и сталъ смотрѣть въ телескопъ; онъ увидѣлъ, что союзники въ дальнихъ траншеяхъ и на ближайшихъ бивакахъ стали въ ружье и двинулись къ ближнимъ къ Севастополю траншеямъ; тогда онъ немедленно потребовалъ своего личнаго адъютанта и приказалъ скакать на сѣверную сторону Севастополя (отъ Мекензиевыхъ горъ 9 верстъ) и лично доложить начальнику штаба арміи о такомъ небываломъ движеніи. Когда посланный прискакалъ, генераль Коцебу еще спалъ; только чрезъ часъ допустили къ нему адъютанта Талызина и когда онъ доложилъ о видѣнномъ корпуснымъ командиромъ, генераль Коцебу сказалъ: «что это Павлу Петровичу все мерещатся какіе то кошмары». Уже не отводя глазъ отъ телескопа, Павелъ Петровичъ вскорѣ увидѣлъ, что и всѣ остальные войска осаждающихъ тоже стали въ ружье и направились вслѣдъ за первыми. Тогда онъ послалъ второе донесеніе съ штабсъ-капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба Веймарномъ. Въ отвѣтъ на докладъ Веймарна (этотъ докладъ былъ около 9-ти часовъ утра) генераль Коцебу отвѣтилъ: «съ тѣмъ васъ и поздравляю», повернулся и ушелъ. Какъ извѣстно, 27-го августа, въ 12 часовъ дня, на Малаховомъ курганѣ уже развѣвался французскій флагъ.

На Мекензиевыхъ высотахъ 6-й пѣхотный корпусъ простоялъ въ бездѣйствіи до 22-го ноября, послѣ чего, въ кадровомъ составѣ

былъ двинуть къ Николаеву. Достигнувъ мѣста назначенія, 6-й пѣхотный корпусъ пополнилъ кадры и вмѣстѣ съ другими частями и Пензенскимъ ополченіемъ, вошелъ въ составъ вновь образованнаго отдѣльнаго отряда, имѣвшаго назначеніемъ охранять Бугскій и Днѣпровскій лиманы. Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ генераль Липранди.

По полученіи официального извѣщенія о заключенномъ мирѣ, 26-го марта, отрядъ былъ расформированъ и 6-й пѣхотный корпусъ отправленъ въ Тамбовскую, Пензенскую и Саратовскую губерніи; для корпуснаго штаба назначенъ былъ г. Тамбовъ.

Въ то время корпусные командиры обязаны были осматривать и тюрьмы гражданскаго вѣдомства. При осмотрѣ тамбовской тюрьмы, въ одной камерѣ Павлу Петровичу принесли жалобу заключенные въ ней старикъ и старуха Вульфъ (австрійскіе подданные), что у нихъ отобрали галантерейный товаръ и заключили ихъ въ тюрьму, за неизвѣстныя имъ преступленія. Долго шли у Павла Петровича пререкательства съ тамбовскимъ губернаторомъ Данзасомъ, по поводу такого произвольнаго ареста; наконецъ Вульфовъ изъ тюрьмы выпустили, но вещей ихъ имъ не возвратили и не отпускали на родину. Тогда Павелъ Петровичъ воспользовался прибытіемъ въ Тамбовъ, на ревизію, Михаила Николаевича Муравьева, позвалъ Вульфовъ, лично привезъ ихъ къ Муравьеву и рассказалъ ему въ чемъ дѣло. Муравьевъ, потребовавъ губернатора, поговорилъ съ нимъ наединѣ; на другой же день Вульфы получили весь свой галантерейный товаръ и свои паспорта. Но едва уѣхалъ Муравьевъ, какъ Данзасъ помчался въ Петербургъ и пожаловался на Павла Петровича, какъ на человѣка, вмѣшивающагося въ гражданскія дѣла (у Данзаса въ Петербургѣ были большія связи). Въ результатъ было то, что объявили Высочайшій приказъ: командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса назначается командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса, а командиръ 2-го корпуса — командиромъ 6-го корпуса. Павелъ Петровичъ, какъ 2-го разряда раненый, вышелъ въ безсрочный отпускъ; не принявъ 6-го корпуса и командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса генераль Офросимовъ, Офросимовъ остался на мѣстѣ, и 6-й пѣхотный корпусъ получилъ генераль Стаховичъ.

Павелъ Петровичъ поселился въ Москвѣ, былъ постоянно въ сообществѣ А. П. Ермолова, Горчакова, Вельтмана и др.; словомъ наслаждался полнымъ покоемъ, послѣ трехлѣтнихъ непрерывныхъ боевыхъ трудовъ. Въ 1858 году скончалась тетка покойной жены

Павла Петровича, Елисавета Федоровна Талызина и завѣщала ему село Ефимьево, въ 17-ти верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, съ 300 душъ крестьянъ. Получивъ наслѣдство, онъ немедленно отправился въ Ефимьево и уступилъ крестьянамъ ихъ усадьбы безвозмездно. Кажется, до него, подобнаго примѣра не было. Въ 1859 г., по случаю совмѣстнаго съ Государемъ Александромъ Николаевичемъ назначенія 25 лѣтъ назадъ флигель-адъютантами къ Императору Николаю I, Павелъ Петровичъ получилъ большой фотографическій портретъ Императора Александра II, съ собственноручной надписью Государя: «старому товарищу моему Павлу Петровичу Липранди».

Однако же Павлу Петровичу пришлось блаженствовать въ Москвѣ недолго. Въ томъ же 1859 году, когда онъ представлялся Государю, чтобы выразить свою вѣрноподданческую признательность, Государь обратился къ нему съ милостивыми словами: «ты мнѣ особенно теперь нуженъ и я надѣюсь, что ты не откажешься немедленно принять 2-й пѣхотный корпусъ». Павелъ Петровичъ отвѣчалъ, что въ настоящее время немного поправился, отдохнулъ и счастливъ, что можетъ быть опять полезенъ. 8-го сентября 1859 года состоялся приказъ о его назначеніи командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса; корпусный штабъ находился въ г. Кременецъ Волынской губерніи. По прибытіи въ Кременецъ, Павелъ Петровичъ поселился въ томъ самомъ казенномъ домѣ, въ которомъ жилъ, командуя 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, до назначенія генерала Данненберга. Въ 1860 г. Павелъ Петровичъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Въ томъ же 1860 году, 2-й пѣхотный корпусъ былъ передвинутъ въ Польшу, штабъ корпуса помѣщенъ въ Варшавѣ. Въ то время въ Польшѣ было уже далеко неспокойно; въ высшихъ варшавскихъ сферахъ только и было разговора, что на эту тему; Павелъ Петровичъ, по своей привычкѣ, всегда прямо высказывалъ свой взглядъ и ни отъ кого не скрывалъ, что идетъ какой то сумбуръ: бездѣйствіе власти, приказаніе войскамъ ничѣмъ не отвѣчать ни на какія польскія оскорбленія и рядомъ съ этимъ самыя крупныя и даже кровавыя репрессаліи. Всѣ часто смѣняемые начальники края всегда относились къ мнѣніямъ Павла Петровича съ полнымъ вниманіемъ, въ особенности же даже излишне любезенъ былъ съ нимъ вновь назначенный начальникъ края, графъ Ламбертъ. Каково же было удивленіе Павла Петровича, когда во время его поѣздки для инспектированія корпуса, въ

г. Грубешовъ пріѣхалъ курьеръ отъ графа Ламберта и вручилъ Павлу Петровичу письмо отъ графа; въ письмѣ значилось: «Милостивый Государь Александръ Ивановичъ, по старой пріязни къ Вамъ (пріятель забылъ даже имя и отчество) и постоянно озабочиваясь о Вашемъ здоровіи, я исходатайствовалъ у Государя Императора назначеніе Васъ Членомъ Военнаго Совѣта, о чемъ и воспослѣдуетъ на дняхъ Высочайшій приказъ. Пользуясь этимъ случаемъ, остаюсь съ глубокимъ и т. д.». Нужно при этомъ замѣтить, что, отправляясь инспектировать корпусъ, Павелъ Петровичъ представлялся графу Ламберту и онъ ни словомъ не намекнулъ о «милости», которую онъ ему приготовилъ.

Это уже былъ послѣдній ударъ, который сразилъ Павла Петровича; насильно разлученный и притомъ такъ неожиданно съ войсками, которымъ онъ посвятилъ полстолѣтія, онъ сталъ таять не по днямъ, а по часамъ. Присущій ему юморъ его совершенно оставилъ, сошла съ его лица и обыкновенная его добрая улыбка, онъ сталъ молчаливъ, всѣ люди стали ему немылы, онъ почти лишился сна и аппетита; къ тому же приходилось жить въ Петербургѣ, который, по разнымъ тяжелымъ воспоминаніямъ, онъ очень не любилъ. Недугъ былъ чисто моральный, такъ какъ Павелъ Петровичъ былъ крѣпкаго сложенія, никакими хроническими болѣзнями никогда не страдалъ; жизнь велъ всегда самую регулярную; постоянно вставалъ рано, ѣлъ одинъ разъ въ день въ 2 часа, за простымъ обѣдомъ изъ трехъ блюдъ, онъ выпивалъ одну, двѣ рюмки краснаго вина и чашку кофе; водки никогда не пилъ и, что замѣчательно, никогда не ощущалъ жажды и, сколько себя помнитъ, никогда не выпилъ стакана воды; спать ложился никогда не позже 11 часовъ; вечерами читалъ французскія книги и очень любилъ въ кругу пріятелей, и только дома, поиграть въ вистъ или ералашъ, по самой маленькой фишкѣ.

Едва Павелъ Петровичъ вступилъ въ исправленіе новой своей должности, какъ начали его назначать, кромѣ засѣданій въ военномъ совѣтѣ, предсѣдателемъ разныхъ комисій. Такъ, онъ былъ предсѣдателемъ комисіи объ измѣненіи бывшаго и устройства новаго кадра для госпиталей, былъ предсѣдателемъ комисіи объ устройствѣ новыхъ повозокъ для полковаго обоза и, наконецъ, предсѣдателемъ комисіи по организаціи войскъ. До сихъ поръ, вѣроятно, еще хранится въ архивѣ военнаго министерства, представленная имъ записка о томъ, что для всѣхъ частей, которыя должны будутъ дѣйствовать въ военное время, должны существовать кадры

въ мирное время; такимъ образомъ, записка эта была краеугольнымъ камнемъ нынѣ существующей организаціи нашихъ войскъ.

Въ декабрѣ 1862 года Павелъ Петровичъ былъ назначенъ инспекторомъ войскъ. Возможность, хотя изрѣдка, видѣть столь горячо любимыя имъ войска, замѣтно его оживила; съ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ весны, чтобы начать инспектированіе. Лѣто 1863 года онъ провелъ, инспектируя войска сѣвернаго раіона; осенью онъ возвратился какъ будто обновленный; вернулась прежняя энергія, вернулся и прежній юморъ. Но это была послѣдняя жизненная вспышка; его снѣдалъ скрытый недугъ; днемъ онъ былъ какъ будто бодръ, но ночи почти напролетъ проводилъ безъ сна; стало замѣчаться и неправильное отправленіе сердца, то оно забьется немовѣрно скоро, то совсѣмъ остановится.

17-го августа 1863 года, въ день пятидесятилѣтняго юбилея въ офицерскихъ чинахъ, Павелъ Петровичъ получилъ особенно милостивый рескриптъ, въ которомъ подробно перечислялось все то, что онъ сдѣлалъ для улучшенія быта солдата и всѣ его боевые подвиги. Кромѣ того, въ тотъ же день Павелъ Петровичъ былъ зачисленъ въ списки Елецкаго пѣхотнаго полка, съ которымъ онъ взялъ укрѣпленія, прикрывавшія Варшаву въ 1831 году, и пожаловано ему 5,000 десятинъ земли въ Самарской губерніи.

Лѣтомъ 1864 г. для инспектированія Павлу Петровичу назначенъ былъ весь южный раіонъ. Не смотря на то, что его ненормальное біеніе сердца вызывало сильныя опасенія и ѣзда въ экипажѣ могла усилить болѣзнь (южныхъ желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было), Павелъ Петровичъ, все еще горя желаніемъ видѣть войска, не внялъ совѣтамъ ни врачей, ни людей ему близкихъ и въ іюнѣ пустился въ путь. За Харьковомъ, въ Новой Прагѣ, на смотру, сердце у него вдругъ совсѣмъ остановилось и съ нимъ сдѣлался обморокъ и въ тотъ день онъ смотра не докончилъ. На другой день, нѣсколько поправившись, онъ досмотрѣлъ войска и отправился въ Одессу. Изъ Одессы, для смотровъ онъ дѣлалъ экскурсіи, то въ экипажѣ, то на пароходѣ. Была экскурсія и въ Севастополь. Видно, Севастополь напомнилъ ему многое, потому что сопутствовавшій ему старый денщикъ потомъ рассказывалъ, что въ Севастополѣ онъ впалъ въ прежнее уныніе, которое уже болѣе его не покидало.

Окончивъ всѣ смотры 26-го августа, Павелъ Петровичъ возвратился въ Одессу и на другой день собирался ѣхать въ Петербургъ, чтобы ни на одинъ день не задержать вѣнчанія сына, по-

молвленнаго съ дѣвицею Арсеньевой, еще до его поѣздки для инспектированія. Вечеромъ у него были генералъ Синельниковъ и другіе гости, и до 12 часовъ ночи Павелъ Петровичъ, со своими гостями, съ своего балкона, въ Европейской гостинницѣ, смотрѣлъ на иллюминацію порта (день коронаціи Императора Александра II) и былъ даже разговорчивъ; никакихъ признаковъ, угрожающихъ жизни, не было замѣтно.

27-го августа, въ 5 часовъ утра, Павелъ Петровичъ вызвалъ денщика и приказалъ ему открыть балконъ и всѣ окна, такъ какъ, говорилъ онъ, нѣтъ совсѣмъ воздуха и ему дышать нечѣмъ; денщикъ былъ пораженъ мертвеннымъ виломъ Павла Петровича и, не сказавъ ему ничего, послалъ за докторомъ Линкомъ, который выслушивалъ Павла Петровича передъ его послѣдней поѣздкой въ Крымъ. Линкъ нашелъ больного въ состояніи безнадежномъ; ощущеніе Павла Петровича было, что не хватаетъ воздуха для дыханія; послали за священникомъ, но когда онъ прибылъ съ Дарами, Павелъ Петровичъ уже скончался. До самыхъ послѣднихъ минутъ Павелъ Петровичъ былъ въ полномъ сознаніи и смерть, въ 6 часовъ утра, наступила мгновенно. Скончался онъ, имѣя 68 лѣтъ и семь мѣсяцевъ.

Единственное желаніе, которое всегда выражалъ Павелъ Петровичъ, было быть похороненнымъ въ Петербургѣ, рядомъ съ женою. До полученія разрѣшенія на перевозку тѣла въ Петербургъ, оно было положено въ металлическій гробъ. Выносъ, отпѣваніе и помѣщеніе въ часовнѣ были совершены въ Одессѣ, съ отданіемъ воинской почести и въ присутствіи всего населенія Одессы, въ которой онъ былъ очень популяренъ еще съ двадцатыхъ годовъ. Только чрезъ 21 день послѣ смерти, тѣло Павла Петровича было доставлено въ Петербургъ. 17-го сентября было погребеніе и лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ послѣдній разъ почтилъ залпами своего бывшаго, горячо любимаго, командира.

Прахъ Павла Петровича покоится въ забытой могилѣ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ; но несокрушимые памятники, въ видѣ отбитыхъ имъ орудій, окружаютъ Преображенскій соборъ и храмъ на братскихъ могилахъ въ Севастополѣ, да еще остается добрая память о немъ, какъ о воинѣ-человѣкѣ.

Р. Липранди.